

ББК 60.56

Т46

Издание

*осуществлено при финансовой поддержке
Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров*

Тихонова, Наталья Евгеньевна

Т46 Феномен городской бедности в современной
России. — М: Летний сад, 2003. — 408 с.

ISBN 5-94381-104-4

Книга посвящена анализу городской бедности как особого феномена современной российской жизни. Что значит сегодня быть бедным в России с точки зрения специалистов, общества в целом и самих бедных? Чем малообеспеченность отличается от бедности и нищеты? Что сближает российскую бедность с бедностью в странах Европы, а что является характерной особенностью именно российской бедности? Чем «старые» бедные отличаются от «новых»? Что такое социальная эксклюзия и как она соотносится с бедностью? Чем отличаются последствия реформ 90-х годов для мужчин и женщин из бедных городских семей? На эти и многие другие вопросы автор дает ответы в предлагаемой вниманию читателя книге.

ББК60.56

© Н. Е. Тихонова, 2003

Подп. в печать 25.03.03. Формат 60x90/16.
Уч.-изд. л. 20,5. Печ. л. 25,5. Печать офсет.
Тираж 2000 экз. Заказ № 1367.

ЗАО ИТД «Летний сад»
121069, Москва, Б. Никитская, 46.
Изд. лицензия ИД №03439 от 5.12.2000.

Отпечатано в ПФ «Полиграфист»
160001, Вологда, ул. Челюскинцев, 3

9785943811043

Содержание

Предисловие	5
Раздел 1	
БЕДНОСТЬ И СОЦИАЛЬНАЯ ЭКСКЛЮЗИЯ СРЕДИ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ	11
Глава 1. Что такое бедность в условиях России?	18
1.1 Понимание сущности бедности в науке, в обществе и самими бедными	18
1.2 Три уровня бедности	42
1.3 Социокультурные особенности российской бедности	69
Глава 2. Феномен социальной эксклюзии в условиях российских городов	93
2.1 Что такое социальная эксклюзия и существует ли она в России	93
2.2 Индикаторы проявления социальной эксклюзии на микроуровне	107
2.3 Характерные особенности группы социально исключенных	113
2.4 «Факторы риска» и развитие процесса социальной эксклюзии	125
2.5 Социальная эксклюзия и проблемы занятости	134
2.6 Социальная эксклюзия, депривация и бедность	140
2.7 Примерные масштабы эксклюзии в российском обществе	145
Раздел 2	
ВЛИЯНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ 90-Х ГОДОВ НА ПОЛОЖЕНИЕ, СТРАТЕГИИ ВЫЖИВАНИЯ И СЕМЕЙНЫЕ РОЛИ ЖЕНЩИН ИЗ БЕДНЫХ ГОРОДСКИХ СЕМЕЙ	155
Глава 3., Тендерные аспекты городской бедности: анализ данных общероссийских исследований	162
3.1 Тендерные последствия экономических реформ в России глазами населения	162
3.2 Общая характеристика основных проблем и социально-психологического состояния женщин из бедных слоев городского населения	176

3.3	Тендерные особенности представлений об идеальной семье.....	193
3.4	Специфика семейных ролей женщин из бедных слоев городского населения.....	199
Глава 4. Тендерные аспекты городской бедности: анализ качественных интервью.....		209
4.1	Тендерные последствия экономических реформ в России в восприятии мужчин и женщин из бедных городских семей.....	209
4.2	Основные проблемы и социально-психологическое состояние женщин.....	221
4.3	Специфика семейных ролей женщин из бедных городских семей.....	241
Раздел 3		
ГОРОДСКАЯ БЕДНОСТЬ В ЛИЦАХ И СУДЬБАХ.....		273
Глава 5. Семь историй «новых бедных».....		276
5.1	Московские домохозяйства.....	276
5.2	Воронежские домохозяйства.....	309
Глава 6. Семь историй «старых бедных».....		325
6.1	Московские домохозяйства.....	325
6.2	Воронежские домохозяйства.....	347
Заключение.....		361
Приложения		
<i>1. Описание выборки общероссийских исследований.....</i>		<i>373</i>
1.1.	Мониторинговые исследования.....	373
1.2.	Общероссийские тематические исследования.....	375
<i>2. Описание выборки панельных исследований.....</i>		<i>378</i>
2.1.	"Бедность и социальная эксклюзия в России...".....	378
2.2.	"Влияние экономических реформ на положение женщин из бедных городских семей".....	388
<i>3. Описание построения основных индексов.....</i>		<i>390</i>
3.1.	Индекс материальной депривации в панельных исследованиях.....	390
3.2.	Индекс материальной депривации в исследовании "Богатые и бедные в современной России".....	397
3.3.	Индекс социальной эксклюзии.....	399

ПРЕДИСЛОВИЕ

Проблема бедности относится к числу наиболее широко дебатлируемых и в российской политике, и в российской науке. Складывается впечатление, что о ней все уже сказано, и вопрос о бедности если и может еще стоять, то скорее в плане разработки практических мер по борьбе с ней, чем с точки зрения анализа ее сущности, причин и основных проявлений. Тем не менее рискну утверждать, что это далеко не так.

Первое, что заставляет сразу усомниться в теоретической ясности проблемы бедности, это колоссальный разрыв в оценках численности бедных в России, которые даются различными политическими партиями, научными центрами и отдельными экспертами. Разрыв, который обусловлен различиями используемых критериев бедности и разным пониманием того, что же она собой представляет. Поэтому, думается, что дискуссии о бедности в России скорее только начинаются, чем подходят к своему логическому завершению. И тот факт, что по этой проблеме действительно наработан уже колоссальный эмпирический и теоретический материал, позволяет поставить их, наконец, на строго научную почву и вести гораздо эффективнее, чем раньше. Но достижение некоего общественного консенсуса в понимании этой проблемы применительно к условиям России различными научными школами и тем более - политическими силами, пока еще дело будущего.

Второе, что вызывает сомнения в ясности этой проблемы, это то, что практически всегда, когда речь идет о бедности, говорится о "бедности вообще". При этом даже по данным Госкомстата РФ число бедных в России за последние десять лет ни разу не опускалось ниже двадцати процентов населения, т.е. примерно 30 млн. человек. Понятно, что, когда речь идет о цифрах такого порядка, сопоставимых с населением крупной европейской страны, наивно предполагать, что бедность в России можно рассматривать как гомогенное явление. Естественно, возникает вопрос о том, какие типы и уровни бедности существуют, чем различается бедность в различных регионах страны, у

представителей разных социальных групп (этнических, социокультурных, жителей различных типов поселений и т.п.), чем применительно к условиям России длительная бедность отличается от бедности ситуативной и т.д. Некоторые из этих проблем только начинают обсуждаться, другие еще вообще не стали предметом специальных исследований. Словом, пока это огромная "terra incognita", без детального освоения которой невозможно ни понять специфику российской бедности, ни выработать эффективную социальную политику, направленную на борьбу с ней.

Третье обстоятельство, предопределяющее необходимость дальнейшего углубленного изучения данной проблемы, это то, что до сих пор анализ бедности практически всегда шел через призму макроподходов, как бы "с высоты птичьего полета". Оценивалась структура прожиточного минимума, численность бедных в России, их распределение по типам домохозяйств и различным группам населения (возрастным, образовательным и т.п.). При этом, как правило, вне поля зрения оставались проблемы того, как же реально протекает жизнь бедных семей, как и за счет чего они выживают, чего они лишены и какие из этих лишений являются наиболее тяжелыми для них, в чем сами они видят необходимость помощи им и т.д. Думается, что уже настала пора взглянуть на бедность и "изнутри", глазами самих бедных.

Наконец, в-четвертых, есть еще одно обстоятельство, также делающее дальнейшее изучение проблем бедности абсолютно необходимым. Бедность в России, вопреки утверждениям некоторых политиков, была всегда. Более того, нет страны, где вообще не было бы бедных, и в обозримом будущем такого общества не предвидится. Но вот чего в России действительно не было до начала реформ 90-х годов как массового явления, так это такой хронической бедности, которая означала бы "выброшенность" из общества, тот качественно иной образ жизни, когда представители бедных семей, будь то дети или взрослые, ощущают себя изгоями. Словом, особого слоя не просто бедных, а "отверженных", социально исключенных, лишенных тех основных возможностей реализации своих прав и жизненных интересов, которые имеет большинство россиян. Формирование этого многомиллионного слоя "отверженных", причем отнюдь

не из бомжей или нелегальных мигрантов, а из вполне добропорядочных российских граждан, идет сейчас в нашем обществе быстрыми темпами, и в будущем чревато чрезвычайно серьезными социальными, политическими и экономическими последствиями. Ни масштабов этого явления, ни значимости возникновения в социальной структуре России этого принципиально нового элемента не осознают пока ни российские политики, ни научное сообщество в целом. Социальная исключенность (эксклюзия) - огромное самостоятельное поле исследований, тесно связанное с изучением бедности, освоение которого пока только-только начинается.

Думается, что сказанного достаточно, чтобы объяснить, как и почему возник замысел данной книги. Разумеется, я не ставила перед собой задачи осветить в ней все перечисленные выше проблемы или даже их основную часть. Свою главную цель я видела в другом - попытаться *дать анализ одного типа бедности, а именно бедности, характерной для крупных российских городов, как особого феномена современной российской жизни*. А это значит показать прежде всего как на практике проявляется и переживается бедность жителями городов, почему они считают себя или других бедными, что для них самих означает их собственная бедность, словом - увидеть бедность их глазами и описать по возможности их словами. Не случайно в самом тексте книги наряду с количественными данными широко используются тексты интервью, а 14 типичных историй жизни бедных семей за период с начала реформ по 2002г. составили даже самостоятельный раздел книги.

Надо сказать, что при работе над ней использовался очень широкий спектр как теоретико-методологических, так и методических подходов. Если говорить о теоретико-методологических подходах, то в их числе были прежде всего феноменологический и структурно-функциональный подходы, но использовались и другие научные подходы и концепции различной степени общности - теория социального действия, концепция культуры зависимости, теория андеркласса и т.д., причем по результатам анализа применимость некоторых из них к условиям России была поставлена под сомнение.

Если говорить о методической стороне, то в ходе работы мной были использованы данные общероссийских исследований

с репрезентативными и целевыми выборками, а также лонгитюдных панельных исследований, кейз-стади в бедных семьях, в том числе в рамках лонгитюда, анкетирование и глубинные качественные интервью, методы work-story и life-story, в том числе и применительно к домохозяйствам в целом, метод социального портрета и т.д. Там, где это было возможно и диктовалось логикой анализа, например, при сравнительной оценке понимания бедности и ее причин в России и Западной Европе, использовались также данные крупных международных сравнительных исследований. Такое многообразие использовавшихся методов диктовалось одним - желанием приоткрыть "черный ящик" жизни бедных городских семей, что оказалось просто невозможно сделать с помощью более простой техники исследований.

Отдельной самостоятельной задачей проведенной работы выступал также анализ тендерных последствий реформ 90-х годов для бедных городских домохозяйств. В книге результаты этого анализа представлены по принципу рассмотрения одних и тех же теоретических проблем сначала на базе общероссийских данных, а затем - на материалах интервью. Это позволило более полно продемонстрировать, что именно и в каких масштабах происходило под влиянием начатых в 90-х годах экономических реформ с женщинами и мужчинами в бедных семьях, а затем - как эти процессы проявляются в жизни конкретных семей и почему они сказываются на мужчинах и женщинах настолько по-разному, хотя тяжело оказывается в итоге и тем, и другим.

В результате специфики как задач предпринятого исследования феномена городской бедности, так и использовавшихся в нем методов, характер подачи материала в книге несколько необычен - в первом разделе, посвященном проблемам бедности и социальной эксклюзии в целом, материал структурируется тематически, попроблемно. Во втором разделе, посвященном тендерным аспектам городской бедности, в основе логики изложения также лежит проблемный принцип, но последовательно примененный к объектам различного масштаба - от общероссийской картины до ситуации в отдельных семьях. Наконец, в третьем разделе проблемный принцип подачи материала пропущен через призму конкретных человеческих судеб, и каждая из 14 историй, рассказанных в нем, представляет определенный

социальный типаж городских бедных, тот социальный портрет, в котором, как в капле воды, отражаются явления и тенденции, проанализированные с помощью других методов в первом и втором разделах книги. Такая логика подачи материала позволила более полно рассмотреть городскую бедность как особый феномен современной российской жизни во всем многообразии его основных проявлений.

Спектр проблем, которые рассматриваются в книге, и острота их для российского общества предопределили и стремление ориентировать ее на максимально широкую аудиторию. Я постаралась сделать это не в ущерб научной строгости изложения и его доказательности, но кое-чем все же пришлось пожертвовать - до минимума сокращено изложение научных дискуссий по проблемам бедности, описание выборок исследований и другие методические вопросы выведены из основного текста в Приложения и т.д. Тем не менее предлагаемая вниманию читателя книга не является по своему жанру научно-популярной и потребует, как любая научная работа, определенного напряжения при прочтении. Частично облегчить это напряжение и четче понять основные выводы исследования помогает Заключение к книге, где в сжатой форме сформулированы основные выводы исследования.

В заключение хотелось бы сказать, что данная работа синтезирует результаты нескольких научных проектов, выполненных в разное время и при поддержке различных научных фондов, хотя и в рамках единого исследовательского замысла. Это прежде всего проекты «Перестройка государства всеобщего благосостояния: Запад и Восток. 1995-1998» (грант INTAS, 94-3725), «Бедность и социальная эксклюзия в России: региональные, этнонациональные и социокультурные аспекты» (грант INTAS, 98-1439); «Влияние экономических реформ на положение, стратегии выживания и семейные роли женщин из бедных городских семей» (грант Фонда Д. и К.Макартуров № 01 -68450-000), а также общероссийские исследования Российского независимого института социальных и национальных проблем и Института комплексных социальных исследований РАН «Новая Россия: 10 лет реформ глазами россиян» (2001), «Как живет сегодня российская женщина?» (2002), "Богатые и бедные в современной России" (2003) и некоторые другие.

Хотелось бы также выразить мою благодарность Л.Овчаровой, Л.Прокофьевой, Л.Хахулиной, А.Чириковой и другим известным специалистам по затрагиваемым в книге проблемам, которые всегда с готовностью шли на предоставление мне результатов собственных исследований по соответствующей тематике даже до их публикации, что ускорило работу над книгой и способствовало выработке как ее концепции, так и инструментария исследований.

Особую благодарность мне хотелось бы выразить также Фонду Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров, предоставившему в рамках конкурса индивидуальных исследовательских проектов Программы по глобальной безопасности и устойчивому развитию финансовую поддержку для реализации проекта "Влияние экономических реформ на положение, стратегии выживания и семейные роли женщин из бедных городских семей", за счет финансирования которого и была опубликована данная книга.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, как показало предпринятое исследование, и сам феномен городской бедности, и представления о нем находятся сейчас в России еще в стадии становления. Бедность в сегодняшней России - уже не та бедность, которая была характерна для советского этапа ее истории, но еще и не бедность в той ее форме, которая существует в государствах с многовековой историей рыночной экономики. Российские бедные заметно отличаются и от бедных советской эпохи, и от бедных в западноевропейских странах непропорционально большей долей их в социальной структуре общества, неоднородностью их состава, доходящей за счет наличия "старых" и "новых" бедных до сосуществования в этой среде различных субкультур с разной степенью интегрированности в общество, особенностями восприятия собственной бедности и ее причин, реальными причинами бедности, спецификой возглавляющих бедные домохозяйства глав семей и многими другими особенностями, о которых рассказано в книге.

В то же время общий вектор развития феномена городской бедности не вызывает сомнений - Россия движется, и очень быстро, в сторону "классического" типа бедности. Буквально на глазах, за несколько лет, в бедных семьях опережающими темпами ухудшилась их жилищная обеспеченность, состояние здоровья их членов, изменились социально-демографические типы семей (шла самогенерация неполных семей, семей инвалидов и т.п.), выросла доля экономически неактивных членов и т.д. Те же специфические особенности российской бедности, которые, несомненно, еще присутствуют сегодня, являются не столько следствием социокультурной специфики России, сколько результатом накопленного еще в советское время и пока не до конца утраченного российскими бедными капитала, включая и капитал социальных сетей.

Однако капитал этот постепенно "сходит на нет" и, судя по нашим лонгитюдным исследованиям, в течение ближайших пяти лет городские бедные в России окончательно оформятся как достаточно закрытая группа, для которой будут характерны все

"классические" особенности городской бедности, многократно описанные западными социологами, включая особенности самоидентификаций, психологии и моделей поведения. Особую трагичность этому процессу придает то, что взрывообразное в историческом масштабе образование этой качественно новой массовой группы завершается настолько быстро, что исключает возможность эффективно адаптироваться к этой непривычной реальности для самих бедных, для общества в целом, и даже для государственной социальной политики, которая до сих пор не вполне адекватно понимает кому именно из бедных, зачем и как она помогает. Да и сами бедные практически никак не ощущают помощи со стороны государства, и уж в любом случае она даже отдаленно по масштабам и значимости несопоставима с тем объемом трансфертов, которые они получают по линии системы коллективной взаимопомощи домохозяйств.

Как я постаралась показать в книге, именно за счет активного функционирования этой системы в ближайшие годы бесполезно будет рассматривать наличие большого объема домашнего имущества как свидетельство принадлежности домохозяйства к благополучным слоям населения, хотя отсутствие определенных видов имущества будет стопроцентно свидетельствовать о бедности семьи. Пока же сохранившееся «со старых времен» имущество и социальные связи с соответствующими возможностями получения помощи выполняют роль своего рода амортизаторов при скольжении вниз по наклонной плоскости всеуглубляющейся бедности. И хотя их роль постепенно падает за счет сужения социальных контактов и постепенного износа имущества бедных домохозяйств, пока еще их влияние продолжает ощущаться достаточно отчетливо. В итоге не только малообеспеченные или бедные, но даже многие нищие семьи обладают, на первый взгляд, теми имущественными ресурсами, включая земельные участки, автомобили и компьютеры, которых, казалось бы, у них никак не может быть. Однако если домохозяйство не деградировало, прежде всего из-за пьянства его взрослых членов, то оно старается сохранить эти ресурсы как базы получения средств для существования семьи (самообеспечение продуктами питания, частный извоз, различные виды приработков с использованием компьютера), а не решить свои проблемы за счет продажи этого имущества. В итоге распродажа имущества

характеризует не столько самые бедные, сколько деградирующие домохозяйства.

Если же говорить об отражении процесса формирования группы представителей застойной бедности в сознании самих бедных и общества в целом, то можно зафиксировать идущий также достаточно быстро, хотя и отстающий от реального формирования этой группы, процесс становления новых представлений о сущности бедности и ее критериях. Так, например, в сознании населения в целом и бедных в частности, представления о "прожиточном минимуме" и "черте бедности" расходятся все дальше друг от друга за счет снижения порога, ниже которого семьи могут считаться бедными. Таким образом, бедность все больше отрывается от минимально нормального стандарта жизни. В результате развития этого процесса, принадлежать к числу бедных для россиян скоро будет так же стыдно, как и для западноевропейцев, хотя пока еще значительная часть населения воспринимает бедность скорее как несчастье, причиной которого является неправильная политика государства и семейные трагедии, и которому следует сочувствовать, чем как следствие определенных личностных особенностей самих бедных.

Кроме того, на смену пониманию бедности как простой нехватки денег постепенно приходит понимание бедности как качественно особого образа жизни. Да, и в обществе в целом, и у самих бедных пока еще присутствует и понимание бедности через призму абсолютного подхода (как недостаточного количества денег), и через призму категориального подхода (как неизбежности бедности в случае принадлежности к определенным социальным группам), и через призму субъективного подхода (как ощущения себя бедным за счет невозможности реализации тех потребностей, которые сам человек считает "нормальными", обязательными к удовлетворению). И, в принципе, если бы любой из этих подходов доминировал в обществе, разработать адекватную ему социальную политику не составило бы особого труда - пособия по малообеспеченности для первого, целевые трансферты беженцам, многодетным, инвалидам и т.д. для второго, формирование в общественном сознании мерами идеологической политики определенного стандарта жизни на уровне бедности, чтобы нельзя было необоснованно относить себя к этой категории для третьего - все это технически несложные и

сравнительно с нынешними расходами на социальную сферу недорогие меры.

Принципиальная сложность ситуации борьбы с бедностью заключается, однако, в другом. В современной России господствующим в общественном сознании населения в отношении бедности является относительный подход. Задача же обеспечить бедным тот образ жизни, который ведет остальное общество, более чем сложна. И дело не только в том, что она предполагает гораздо большие затраты, чем адресная социальная помощь бедным, выделенным в рамках абсолютного или категориального подхода, но и в том, что для этого должен быть достигнут общественный консенсус по вопросу о том, какой стандарт жизни считать нормой, а какой — отклонением от нее, требующим вмешательства государства на уровне федеральных, региональных или местных органов власти.

В данной книге я постаралась дать максимально полную картину жизни, соответствующую разным уровням депривации, показать характерные особенности быта и образа жизни на каждом из этих уровней. Малообеспеченность, бедность, нищета — на мой взгляд, все это лишь разные лики бедности, мириться с которыми цивилизованное общество не может. Но я понимаю, что в условиях, когда малообеспеченность характеризует состояние почти каждого пятого, а бедность и нищета — почти каждого десятого жителя России, возможны и другие точки зрения на этот счет, и они имеют не меньше прав на существование. Единственное, что для меня в этой связи безусловно — это то, что пока не будет достигнут общественный консенсус относительно того, какой из этих уровней считать границей бедности, до тех пор все предпринимаемые меры по борьбе с ней будут и нелегитимны, и малоэффективны.

Нелегитимной любая помощь бедным до достижения в обществе соответствующего общественного консенсуса будет просто потому, что без согласия в этом вопросе любые действия государства будут восприниматься как недостаточные — получателями помощи, как несправедливые — представителями смежных по уровню жизни социальных групп, и как безразличие государства к этой проблеме — обществом в целом. Словом, будет воспроизводиться та же картина, которую мы наблюдаем в настоящее время.

Малоэффективной же она будет потому, что помощь бедным домохозяйствам, находящимся на каждом из этих уровней, должна осуществляться принципиально разными методами экономической, социально-экономической и социальной политики, причем результаты адресной помощи в результате того, помощь домохозяйствам с каким именно из уровней бедности будет признана приоритетной, даст качественно разные политические и социально-экономические последствия. Не останавливаясь на этом подробно, отмечу лишь, что помощь нищим домохозяйствам, подавляющее большинство которых уже деградировало, носит чисто гуманитарный характер, в то время как помощь малообеспеченным, где сосредоточена значительная часть пока невостребованного культурного и квалификационного потенциала страны, и где проживает значительная доля всего несовершеннолетнего населения России, означает сохранение ее человеческого потенциала, а в далекой перспективе - и конкурентоспособности ее на мировой арене. Однако это уже вопросы не социальной, а "большой" политики, и, следовательно, разработке конкретных мер помощи бедным должно предшествовать определение основных функций, выполняемых социальной политикой российского государства на современном этапе его развития.

Однако, воспринимая и решая этот вопрос как политический, каковым он по сути и является, а не как частный вопрос социальной политики, надо учитывать, что есть четкие временные рамки, которые соответствуют нахождению каждого конкретного домохозяйства на том или ином уровне бедности. Как было показано в книге, если в течение нескольких лет малообеспеченное домохозяйство не получает эффективной помощи, оно обычно "сползает" в собственно бедность. На уровне бедности при отсутствии эффективной помощи происходит достаточно быстрое дальнейшее скольжение домохозяйства вниз по наклонной плоскости с постепенной растратой всех ресурсов, включая не только экономический, но и человеческий, социальный и даже жилищный капитал. Бедность вытягивает из людей все жизненные силы, лишает их воли к борьбе и тем или иным путем, но с неизбежностью ведет к нищете. Нищета же - это то состояние, при переходе к которому огненными буквами можно было бы написать "оставь надежду всяк сюда входящий".

При этом временное, до 1-1,5 лет, сокращение доходов даже до очень низкого уровня и по своим экономическим, и по социально-психологическим последствиям для семьи не имеет ничего общего с реальной хронической бедностью как особым образом жизни с многолетней изнуряющей и бесперспективной борьбой за выживание, ведущей к постепенной деградации. Обратной стороной этого же явления выступает то, что получение бедными и нищими домохозяйствами даже очень большой суммы денег, например, при получении наследства, отнюдь не означает, что они навсегда выйдут из состояния бедности. Это парадоксальное на первый взгляд явление было подробно описано в книге на конкретных примерах. Как было показано, те модели экономического поведения представителей бедности и нищеты, которые избираются многими из них в этом случае, свидетельствуют, что проблема поиска эффективных форм помощи им со стороны государства заключается не только и, может быть, даже не столько в нехватке для этого средств, сколько в неверно выстраиваемых механизмах этой помощи.

Говоря о легитимизации государственной политики по борьбе с бедностью в общественном сознании и повышении ее эффективности, необходимо помнить также, что для реализации этой цели необходимо не только достичь общественного консенсуса в вопросе о том, какой образ жизни и характер испытываемых лишений свидетельствует о бедности, но и учитывать при ее разработке разнообразие представлений о бедности в различных социокультурных, региональных и этнонациональных общностях. Эта необходимость обуславливается тем, что при доминировании в российской бедности общих черт, в разных типах общностей она все же имеет свою специфику, некоторые особенности которой освещены в книге.

Дополнительно осложняет проблему разработки эффективной государственной политики борьбы с бедностью и такая новая для российской социальной политики задача как необходимость борьбы с эксклюзией. При этом я имею в виду не борьбу с социальной эксклюзией в широком смысле слова, при которой в центре внимания находится дискриминация, хотя это тоже важно. Речь идет в первую очередь о социальной эксклюзии в узком смысле слова, о разработке конкретных мер помощи и

реинтеграции в общество социальной группы исключенных, сформировавшейся в российском обществе за последние годы.

Как я постаралась показать, применив для выделения этой группы специально разработанную систему индикаторов, объект социальной эксклюзии в широком смысле слова всегда шире, чем собственно группа социально исключенных. Это связано с тем, что сама по себе дискриминация, даже множественная, еще не ведет к социальной эксклюзии, поскольку определенный уровень дохода, как и наличие других ресурсов, позволяет находить альтернативные общепринятым механизмы интеграции в общество и избегать социальной эксклюзии, даже когда явления дискриминации будут иметь место.

Если же семья все-таки попала в число социально исключенных, то шансов на возвращение к нормальной жизни или предотвращение дальнейшей деградации у нее меньше, чем у неисключенных семей с тем же уровнем благосостояния. В числе основных форм проявления эксклюзии в этом случае - невозможность реализации не только определенных стандартов материального потребления, но и отсутствие доступа к основным, применительно к условиям России, формам социального участия и социальной интеграции (прежде всего - стабильно и хорошо оплачиваемой работе и образованию). Доступная для большинства представителей исключенных семей занятость - это временные, теневые, мало- и несвоевременно оплачиваемые виды работ, различного рода нестабильные приработки и т.п. Не случайно характерными особенностями психологического состояния представителей исключенных домохозяйств выступают понимание невозможности изменить собственную жизнь, постоянное чувство несправедливости происходящего, озлобленность, подавленность, страх и отчаяние, стыд за собственное положение.

В числе факторов, резко увеличивающих риск оказаться исключенным - инвалидность или тяжелое заболевание кого-то из членов домохозяйства, выключенность из сетей взаимопомощи и государственной помощи, миграция последних лет, особенно принадлежность к числу беженцев, разорение в результате занятий предпринимательством, большое число иждивенцев и т.д. В то же время, ни один из этих "факторов риска" не может сам по себе рассматриваться как причина эксклюзии и не пре-

допределяет жестко попадание домохозяйств в число исключенных. К социальной эксклюзии ведет, как правило, взаимоналожение нескольких из этих факторов, причем длящееся во времени. Речь идет при этом не просто о длительности ограничений как важнейшем сущностном признаке эксклюзии, но об эффекте накопления во времени результатов воздействия факторов риска. Одновременное воздействие даже нескольких факторов риска не приводит сразу к эксклюзии, есть определенный временной лаг, когда семья находится как бы в пограничном состоянии, который применительно к условиям современной России составляет 5-7 лет. Более того, существует разрыв между реальным попаданием в число исключенных, осознанием этого факта и артикулированием основных признаков эксклюзии в домохозяйстве.

Социальная эксклюзия в тех ее формах, как она формируется сейчас в России, также как и бедность, достаточно типична для стран с длительной историей развития рыночной экономики. В этом смысле можно сказать, что процессы глобализации, в которые после начала реформ оказалась включена и Россия, привели в ней к характерным в последние годы для всего мира процессам изменения социальной структуры общества. И хотя в России не только бедность, но и социальная эксклюзия имеет свою национальную специфику (относительно меньшая роль тендерных различий для возникновения эксклюзии, дискриминация не столько через нарушение гражданских прав, сколько через исключение из эффективных социальных сетей, которые приняли на себя в России в связи с отсутствием в ней гражданского общества всю нагрузку, которую в европейских странах несут институты гражданского общества и т.д.), она не меняет общей типичной картины развития эксклюзии. Беда заключается лишь в том, что процессы эти захватили Россию в тот момент, когда она не была к ним готова ни с точки зрения реализуемой социальной политики, ни с точки зрения наличия соответствующего законодательства, ни понимания обществом того, что же, собственно, происходит.

Наконец, последнее, на что хотелось бы обратить особое внимание в связи с анализом феномена городской бедности, это ее тендерные аспекты. Что касается социальной эксклюзии, связь которой с тендером проверялась мной специально, то за

исключением большего ее риска для неполных семей с детьми, причем для семей, возглавляемых мужчинами - гораздо большего, чем для возглавляемых женщинами, а также ситуации в семьях тяжелых алкоголиков, связи тендера и эксклюзии в узком смысле слова исследование не выявило.

Если же говорить о тендерных аспектах бедности, то, как показано в книге, в положении мужчин и женщин в бедных домохозяйствах есть своя специфика. И если для многих мужчин последствия обеднения семей проявились в первую очередь в росте психологической нагрузки из-за падения их заработков, а в результате - в росте их склонности к депрессиям, инфарктам, самоубийствам и т.п. из-за невозможности выполнять свою функцию "кормильца", то у женщин эта специфика проявилась в первую очередь в изменении их семейных ролей. Изменение тендерного распределения функций в области материального обеспечения семьи, власти и ответственности в семье, лишений и различных форм депривации между членами семьи, опережающая дискриминация женщин из бедных слоев населения по отношению не только к мужчинам, но и к женщинам из других слоев населения привела к развитию у них в массовом масштабе социальной аномии. Игнорировать далее эту ситуацию при разработке государственной социальной политики, на мой взгляд, нельзя, хотя вопрос о том, в каких именно мерах нуждается для своего исправления сложившаяся ситуация, требует дополнительного изучения.

Подводя итог всему вышесказанному, хочу еще раз подчеркнуть - городская бедность в тех ее формах, как она существует сегодня в России, это новый, внутренне очень сложный и динамично развивающийся феномен жизни российского общества. Нельзя надеяться на эффективную борьбу с ней, не определив сначала приоритеты этой борьбы и те "точки", воздействуя на которые можно получить максимальный кумулятивный эффект. Причем выработать осмысленную стратегию борьбы с бедностью в России необходимо как можно быстрее, поскольку процесс формирования застойной бедности и глубокой социальной эксклюзии уже завершается, и через несколько лет для помощи этим группам и реинтеграции их в общество понадобятся уже поистине титанические и вряд ли посильные для страны усилия.